

## О Т Р Е Д А К Ц И И

«Только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, — писал Ленин, — только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру». Эта мысль Ленина является основополагающей в отношении к культурному наследию старого мира: пролетариат не только не отказывается от него, но именно он. единственный, оказывается законным преемником классической культуры.

Ленин неоднократно развивал эту мысль. «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество», говорил Ленин в исторической речи на III съезде комсомола. Ленин настойчиво подчеркивал значение культурного наследия именно перед коммунистической молодежью, ибо для нее особенно важно понять этот момент, так как в ее среде нередко можно встретить нигилистическое отношение к старой культуре, огульное отрицание ее, неумение и нежелание оценить ее роль для коммунистической учебы.

Разумеется Ленин говорил это не только молодежи. Когда на I съезде Пролеткультулы т. Луначарский не сумел дать достаточного отпора богдановскому толкованию пролетарской культуры, Ленин в тот же день поставил перед ЦК партии вопрос о необходимости вмешаться в это дело и тут же набросал проект резолюции о пролетарской культуре. В этом проекте особый пункт посвящен именно культурному наследию.

«4. Марксизм завоевал себе свое всемирноисторическое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что он, марксизм, отнюдь не отбросил ценнейшие завоевания буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческого мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая (практическим) опытом диктатуры пролетариата как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры».

Здесь видим и другой основной решающий момент в ленинском подходе к «наследству». В то время как меньшевики (в том числе и Троцкий) вместе со всем II Интернационалом отрицают даже возможность пролетарской культуры, отдавая тем самым рабочий класс в плен буржуазной культуре, мы не заимствуем и перенимаем буржуазную культуру, а критически пересматривая и перерабатывая ее под углом зрения марксизма-ленинизма, строим, «одухотворяя опытом диктатуры пролетариата», пролетарскую культуру.

Из этого отношения к культурному наследию в целом вытекает и отношение к той частице наследия, разработке которой посвящено наше издание. Художественное наследство, которое берет пролетариат у мировой литературы, давно нуждается в критическом пересмотре. Надо развернуть борьбу за большевистскую переоценку наследия классиков художественной литературы, в первую очередь литературы народов СССР. Ленин и здесь оставил нам ряд прямых указаний: «Хорошо бы вообще от времени до времени вспоминать, цитировать и растолковывать в «Правде» Шедрина и других писателей «старой народнической демократии», — писал Ленин. Ту же мысль аргументирует Ленин на примере произведений Льва Толстого: «... в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством рабо-

тает российский пролетариат». Если Ленин считал интересным и полезным знакомить со Щедриным десятки тысяч рабочих читателей старой дореволюционной «Правды», если Ленин считал, что пролетариат должен взять положительное из наследства Толстого, то понятно, насколько актуальнее стоит задача освоения пролетариатом литературного наследства сейчас, когда пролетариат завоевал власть и строит социализм, когда культурная революция приобрела гигантский размах в нашей стране. Развертывание ленинского этапа в литературоведении обязывает нас вплотную подойти к этому участку, всерьез заняться вопросами истории литературы, изучения и освоения литературного наследства.

Задача нашего издания — поднять эти проблемы на политическую и принципиальную высоту, ведя с ленинских позиций последовательную и непримиримую борьбу со всеми буржуазными взглядами, с троцкистской контрабандой, с право- и «лево»-оппортунистическими уклонами от ленинской теории и с гнилым либерализмом.

В свете письма т. Сталина в редакцию «Пролетарской Революции» вопросы усвоения и критической переработки культурного наследства прошлого приобретают особую актуальность. Письмо т. Сталина прежде всего учит партийной воинственности и непримиримости в борьбе с классовым врагом на идеологическом фронте и с гнилым либерализмом в отношении ко всяким извращениям марксизма-ленинизма, повышает нашу бдительность к попыткам под видом изучения прошлого (в первую очередь истории нашей партии) протащить контрреволюционную троцкистскую контрабанду.

На примере «работы» Слуцкого «Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса» т. Сталин показал, куда ведет «метод копания в случайно подобранных бумагах» вместо «обращения к действительным делам и действительной истории большевизма». Письмо т. Сталина имеет решающее поворотное значение не только для историков партии, но и для всего идеологического фронта; решающее значение оно имеет и для нашего участка.

До сих пор в изучении историко-литературных памятников господствовала оторванность от практики классовой борьбы пролетариата. Сплошь и рядом публиковался документ только потому, что он не издан; любая, незначительная записка писателя, снабженная крохоборческими биографическими «изысканиями»-комментариями, печаталась с единственной мотивировкой: она, мол, «впервые вводится в оборот». Какое научное значение имеет этот документ, что дает нового, какой смысл имеет его опубликование, — эти вопросы зачастую не ставились. Письмо т. Сталина, заостряя воинствующую партийность в науке, большевистскую нетерпимость ко всем и всяческим проявлениям классово враждебных взглядов, направлено также против слепого фетишизма и «академического» подхода к изучению и публикации документов, оно требует борьбы с отношением «архивных крыс» к наследству прошлого. Эти указания т. Сталина определяют и характер нашего издания.

\*\*  
\*\*

Если литературный фронт отстаёт от задач социалистического строительства, то данный его участок является наиболее отсталым. Без преувеличения можно назвать это положение прорывом. Ни РАПП, ни Институт Литературы и Искусства Комкадемии, которые в первую очередь за него отвечают и которые должны были возглавить борьбу на этом участке, не сделали всего возможного и необходимого, чтобы укрепить здесь гегемонию марксистско-ленинского литературоведения. Историко-литературный участок является такой же ареной классовой борьбы, как экономика, философия и т. д., и естественно, что слабость коммунистического влияния была использована классовым врагом. В самом деле, достаточно бросить беглый взгляд на недавнее положение дел здесь, чтобы в этом убедиться.

Одно из крупнейших учреждений, специально призванное заниматься этим делом, 6. Пушкинский Дом Академии Наук, под видом работы над историко-лите-

ратурными материалами развил прямую контрреволюционную, вредительскую деятельность. Бывшее руководство Пушкинского Дома во главе с Платоновым, являвшееся в то же время верхушкой монархической организации, в числе многих «деяний» проводило вредительскую тактику по отношению к ряду ценнейших архивных фондов. Были сокрыты архивы ПК РСДРП за 1906 г., ЦК меньшевиков, ЦК кадетов, архивы Лаврова, Струве, Водовозова. Связки различных царских документов скрывались с прямыми контрреволюционными целями. Так классовый враг пользовался всякой возможностью для борьбы с пролетарской революцией.

В своей издательской деятельности руководство Пушкинского Дома занималось в основном печатанием материалов, относящихся к буржуазно-дворянской линии истории литературы. Основная часть публикаций падала на пушкинскую эпоху, и то работа шла больше по части крохоборческих разысканий ненужных биографических подробностей из жизни писателей. Материалы же по писателям-демократам, писателям-разночинцам, писателям-революционерам, не говоря уже о пролетарских писателях, почти никогда не разрабатывались и даже прятались от советской общественности.

Наконец комментарий к литературному документу строился, как правило, лишь по линии бесконечных генеалогических и геральдических экскурсов, из-за чего получалась сплошная монархическая апология в характеристиках дворянских представителей литературных группировок прошлого столетия. Такое построение комментария, созданное школой Саитова—Модзалевского и почти безраздельно господствовавшее до сих пор в публикациях историко-литературных памятников, имеет свою ярко выраженную классовую сущность. Такой комментарий, выдержанный в духе внеклассовой, аполитичной, «чистой информации», уводит в сторону от социальных проблем, затушевывает классовую борьбу в литературе, не облегчает, а затрудняет усвоение материала.

Вся деятельность Пушкинского Дома в этом направлении сводилась таким образом к реставрации не имеющих ни художественного, ни научного значения аксессуаров дворянско-буржуазной литературы, к пропаганде и проталкиванию в массы классово враждебных пролетариату настроений, взглядов и идей. В то же время из всех сил тормозилась разработка революционно-демократической литературы, предшественников пролетарской литературы. Буржуазные «ученые», засевшие в Пушкинском Доме, препятствовали пролетариату овладеть литературным наследством и популяризовать его в массах.

Смена старого руководства Пушкинского Дома не повлекла за собой коренной ломки старых методов работы, ограничившись по существу лишь переменной вывески. Группа б. литфронтовцев (троцкист Горбачев, Родов, Майзель и др.), возглавлявших до последних дней Институт Новой Литературы (ранее П. Д.), за два года своей работы в этом крупнейшем в СССР хранилище архивов литературных и общественных деятелей прошлого века не подвинула марксистско-ленинскую разработку литературного наследства ни на шаг. А ведь к их услугам были представлены гигантские возможности Академии Наук СССР (в состав которой входит Институт). Между тем академические «Известия по русскому языку и словесности» продолжают заполняться откровенно антимарксистскими «трудами» Карских, Перетцев, Истриных, Сперанских на сугубо «актуальные» темы вроде: «Никоновский летописный свод и Иоасаф как один из его составителей», «Сказание об индийском царстве», «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг», «Тютчев в поэтической культуре русского символизма» (все это из недавно вышедшего об'емом в 42 печатных листа третьего тома «Известий по русскому языку и словесности»). И вместо того чтобы разоблачить эту реакционную деятельность и поставить ценнейшие архивные фонды Академии Наук на службу пролетариату, руководство Института Новой Литературы выпускает сборник «Литература» — эклектический винегрет, носящий по признанию самой редакции «случайный характер». Нельзя пройти мимо политически ошибочных утверждений передовой статьи журнала, принадлежащей перу его редактора, т. Луначарского, где дается «теоретическое» обоснование литературного либера-

лизм. «В области литературоведения, — пишет т. Луначарский, — относительная терпимость является законом». Тов. Луначарский считает, что в теоретической работе, в отличие от партийной, заблуждения не должны «рассматриваться с такой же острой точки зрения», и судить о терпимости этих заблуждений, на его взгляд, дело не журнала, а «других инстанций». Эта философия либерализма насквозь гнила, она враждебна ленинизму и не имеет ничего общего с учением о партийности науки. Не поощрять заблуждения, а беспощадно бороться с ними, выковывая марксистско-ленинскую науку, — такова задача всякого большевистского журнала и всякого литератора-коммуниста.

Подобные вышеприведенным взгляды тормозили и мешали своевременному разоблачению агентуры классового врага, укрывшегося в некоторых наших изданиях. Гнилой либерализм становится прикрытием и поощрением классово враждебных сил на одном из ответственных участков идеологического фронта. Лишь недостатком бдительности у некоторой части коммунистов-литературоведов можно объяснить тот факт, что с таким громадным опозданием ставится во всю ширь вопрос о классовом враге на участке истории литературы и публикации документов и материалов.

До чего доходит наглость классового врага, орудующего под маской историко-литературных публикаций, можно судить по небезызвестному пушкинисту Н. Лернеру, который, печатая «новооткрытые»<sup>1</sup> строфы пушкинской «Юдифи», сопровождал ее следующими строками: «Подвиг еврейской национальной героини был для Пушкина не только благодарной художественной темой, над которой пробовали свои силы многие мастера пера и кисти. Юдифь была ему гораздо ближе. Недаром он сам создал образ русской женщины (Полины в «Рославлеве»), которая в 1812 г. задумала «явиться во французский лагерь, добраться до Наполеона и там убить его из своих рук». В наше беспримерно печальное безвременье, когда враги топчут нашу несчастную родину, когда подавлено патриотическое чувство и забыт бог, — знаменательно звучит этот донесшийся до нас сквозь ряд неблагоприятных случайностей загробный голос великого поэта-патриота, который воссел великую народную героиню, — звучит и упреком и ободрением. Вновь от низин, где мы барахтаемся, поднимает наши взоры exelsior к своей вышине, поэзия Пушкина, белоснежная Ветулия нашего искусства, «божий дом» русского слова и духа».

Классовый враг, прикрываясь Пушкиным, открыто вызвал здесь к Розе Каплан, к террористическим актам. И это сошло ему с рук. Ныне этот контрреволюционер, меняя формы борьбы и маскируясь, окопался в харьковском «Литературном Архиве». Если в годы гражданской войны Лернер позволял себе, прикрываясь публикацией материалов, прямые террористические призывы, то теперь он нарочито подобраным документом и тенденциозными комментариями хочет опорочить самую идею революции. Найдя недавно в Публичной Библиотеке реакционную записку Гоголя к А. Я. Булгакову, посвященную революции 1848 г., Лернер тщательно подбирает «объективный» комментарий — все мракобесные высказывания об этой революции Гоголя и Жуковского — и ни одним словом не поясняет истинного значения этой революции и причин их отрицательного отношения к ней. Не приходится сомневаться в том, что публикация этой записки понадобилась Лернеру лишь для того, чтобы подкрепить отрицательное отношение к революции именами Гоголя и Жуковского. И опять-таки только отсутствием бдительности, только гнилым либерализмом по отношению к вылазкам классового врага со стороны редакции украинского «Литературного Архива» можно объяснить появление этой публикации на страницах первой книжки журнала за 1930 г.

Не менее показательно поведение издательства «Колос», выпустившего «Письма Леонида Андреева» с комментариями Георгия Чулкова. «Будущее России темно и неизвестно», пишет здесь Чулков.

<sup>1</sup> На самом же деле сфабрикованные С. Бобровым и подсунутые им Лернеру, чтобы доказать полнейшее незнание Лернером Пушкина.

Приведенные примеры далеко не единичны, — можно привести еще десятки не менее выразительных <sup>1</sup>. Насколько глубоко пустили корни на историко-литературном участке классово враждебные пролетариату элементы, достаточно наглядно показывает помещенный в настоящем сборнике обзор учебников истории русской литературы. Из него явствует, что на этом участке почти бесконтрольно хозяйничали формалисты и другие буржуазные ученые, их подголоски—меньшевики и троцкисты. И не случайно, что именно сюда и устремились все выбитые со своих позиций буржуазные и мелкобуржуазные литературоведы. Тов. Каганович в своей речи на юбилее ИКП вскрыл политический смысл устремления троцкистов к истории нашей партии. Как они рассуждают?

«Ну что ж, вы — большевики, вы — цекисты, вы заняты строительством Магнитогорска, Днепростроя, новой Москвы, Кузнецкстроя, Бобриков, вы заняты планом и трактором, вас беспокоит картошка, уголь и т. д., — ну и занимайтесь этим делом, а мы займемся историей, мы будем готовить исподволь, потихонечку будем ужом ползать, а там, где не поможет хитрость, прикроемся глупостью, используем гнилой либерализм некоторых большевиков, но свое попробуем взять, наляжем на воспитание молодежи, имея в виду, по указке своего обанкротившегося вожда, «дальний» прицел».

Та же логика действует и у наших врагов в области литературоведения. Битые и разгромленные в открытой борьбе с ленинским литературоведением, они применяют обходный маневр, пытаясь закрепиться в тылу и оттуда взять под свое влияние молодые литературоведческие кадры.

Но эта карта будет бита, как были биты все предшествовавшие!

\*\*  
\*

Поворот РАПП к конкретной критике означает и усиление внимания к участку истории литературы. Победоносно наступая по всему фронту, ленинское литературоведение добьет классового врага и на этом участке. Издание «Литературного Наследства» призвано сыграть в этом свою роль. «Литературное Наследство» в борьбе за ленинизм в истории литературы, разрабатывая наследство классиков марксизма: Маркса, Энгельса и Ленина, развертывая ленинский этап в литературоведении, возьмет в свои руки разработку и издание вновь находимых и неизданных историко-литературных материалов. Здесь нужно ударить по переверзевскому отрицанию за архивными материалами практического значения в деле изучения литературы и нужно отбросить взгляд, что если материалы в свое время не появились в свет, то они малозначительны, неинтересны. С такой точки зрения нечего было разрабатывать и ленинское литературное наследство, но именно на примере вышедших 18 Ленинских сборников можно увидеть то громадное значение, которое имели посмертные разыскания произведений Ленина в деле разработки его наследства.

<sup>1</sup> Таково например совершенно реакционное, мистическое «творчество» покойного М. Гершензона, объявившего интуицию источником познания. Гершензон решил, что для того, чтобы понять и изучить писателя, надо только уметь прочесть его. Он пришел к заключению, что никто до него не умел читать например Пушкина, и что ключ к Пушкину дан ему, Гершензону, в процессе мистического восприятия. Это «интуитивное», по существу сугубо идеалистическое, реакционное понимание творений поэта выражено у Гершензона очень ярко. В 1919 г. он выпустил книгу «Мудрость Пушкина», в которой опубликовал «скрижаль Пушкина» — якобы неизданный автограф поэта. «Приведенная страница — ключ к пониманию Пушкина. Так вот каким светом светит его поэзия! — пишет Гершензон. — Он в опыте твердо узнал небытие воплощенного мира и открытым взором созерцал проблески совершенной красоты сквозь земную явь: он не только видел иной мир, — он и сознавал, что видит его. Не случайно, что эта страница открылась впервые мне, от юных лет познавшему на земле одну эту правду: правду о лучшем мире». Между тем эта «впервые открывшаяся» Гершензону «скрижаль» принадлежит Жуковскому и уже много десятков лет печатается во всех собраниях его сочинений.

И если орган ИНЛИ Академии Наук — «Литература» — заранее заявляет: «мы и не претендуем на то, чтобы журнал наш оказался систематическим», то «Литературное Наследство» именно задается целью быть систематическим, строго плановым и целостным изданием, которое внесет наконец хоть некоторую упорядоченность в разработку и публикацию литературного наследства.

Покончив с крохоборчеством и гробокопательством, с работой «по личному вкусу», руководясь степенью политической значимости и необходимости той или иной связки материалов для ленинского литературоведения, мы используем разработки и публикации для показа подлинного лица классической литературы, а также для построения и создания марксистско-ленинской истории литературы.

Благодаря содействию, оказанному нашему изданию новым руководством Института Маркса—Энгельса—Ленина, мы надеемся планомерно публиковать новые материалы по марксистско-ленинскому литературоведению. Уже столько лет идут литературоведческие споры в нашей марксистской критике, но лишь теперь выяснилось, что меньшевик и предатель Рязанов прятал ценнейшие неизданные материалы из литературоведческого наследства Маркса и Энгельса.

Совершенно неудовлетворительно поставлено изучение истории большевистской печати. Еще к 1922 г. относится единственная попытка создания такого издания. Это — журнал московского Института Журналистики «Современник». «В особом отделе «Архив печати» редакция «Современника» будет помещать исследования, статьи, воспоминания и заметки по истории, теории и практике периодической печати», возвещала редакция в первом номере. Но ни одного слова не было в этом издании о ленинском учении о печати, зато журнал широко пропагандировал взгляды Троцкого на печать. Так из нью-йоркской газеты «Новый Мир» была перепечатана без всякого примечания статья Троцкого «Какая газета вам нужна». «У «Нового Мира» одна задача, одна цель, одна программа: бороться против тьмы, суеверий, рабских мыслей и чувств», — вот к чему сводил меньшевик Троцкий задачи революционной печати в эпоху империализма. И эту антиленинскую дребедень «Современник» хотел взять как знамя, под которым должно было вестись изучение истории большевистской журналистики. Вышедшие три номера этого журнала ярко свидетельствуют о том, к чему приводит историков журналистики игнорирование ленинского наследства, как они скатываются на буржуазные позиции. В этой области «Литературное Наследство» должно бороться за большевистское изучение прошлого революционной и пролетарской печати.

Являясь первой попыткой издания марксистско-ленинского историко-литературного журнала, «Литературное Наследство» стоит перед рядом трудностей, что неизбежно отразится на первых его шагах. Преодолевая с помощью товарищеской критики свои недостатки, «Литературное Наследство» надеется занять свое место в первых рядах пролетарского литературного движения.

Свыше 30 лет назад в статье «От какого наследства мы отказываемся» Ленин писал: «само собой разумеется, что «ученики» хранят наследство не так, как архивариусы хранят старую бумагу». Эти слова особенно актуальны в наши дни.

Тов. Каганович в речи, произнесенной на юбилей Института Красной Профессуры, очень хорошо сказал: «В особенности нужно по-большевистски, по-ленински подойти к истории прошлого, к истории вчерашнего дня, и подойти так, чтобы историю этого вчерашнего дня увязать с генеральной линией партии; с теми грандиозными новыми задачами, которые стоят перед нами сегодня и которые будут еще стоять завтра. В этом суть партийности в учебе, в этом смысл марксистско-ленинского воспитания, за это нужно по-большевистски бороться».

За эти лозунги и будет бороться «Литературное Наследство».

Задача освоения наследства для нас не самодовлеющая, не самоцель, а подчиненная задачам, которые выдвигает практика социалистического строительства, развитие культурной революции. «Хранить наследство — вовсе не значит ограничиваться наследством», говорит Ленин. И наши сборники должны стать не «академическим» журналом, убежищем «архивных крыс», а боевым большевистским органом, достойным тех задач, которые ставят перед наукой партия и рабочий класс.